

Litera

Правильная ссылка на статью:

Москвин Г.В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312 EDN: ZHNLOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71312

К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова

Москвин Георгий Владимирович

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Истории русской литературы, Московский государственный университет имени МВ.
Ломоносова

119992, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ georgii_moskvin@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71312

EDN:

ZHNLOE

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2024

Дата публикации:

23-07-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению вопроса о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова. В статье рассматриваются вопросы формирования экзистенциальной парадигмы в русской литературе первых десятилетий XIX века. Автор обращается к стихотворению Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» как образцовому произведению, выражающему проблематику нового времени литературы (в творчестве писателей конца 1820-х – начала 1840-х гг.), которая характеризуется идейно-стилевым разнообразием как результат взаимодействия разных интеллектуальных систем в русском художественном мышлении (мировоззрение позднего романтизма, философия объективного идеализма Гегеля и экзистенциалистские концепции Кьеркегора, и другие мыслители). Развитие экзистенциальной темы в русской литературе XIX века подтверждается лирикой М. Ю. Лермонтова и прозой писателя («Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени»).

В данной работе в основном применялись следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, герменевтический, аксиологический, а также литературно-исторический методы. Новизна статьи объясняется тем, что автор формулирует основные положения экзистенциальной литературы, уточняет их проявления в литературе 1820-х–1949-х гг. в русской литературе, сопоставляет эстетические практики с современной, прежде всего, Лермонтовской литературой. Акцентируя внимание на демонской теме, автор утверждает, что в раннем периоде творчества Лермонтова (1829–1836 гг.) замечаются две тенденции в эволюции этой темы: первая названа как демонизация героя, завершается к периоду зрелого творчества; вторая характеризуется преодолением демона в себе, или человеке, – она начинается еще с первых редакций поэмы «Демон» (произведение оказалось решающим в переходе к основной теме экзистенциальной прозы в творчестве Лермонтова), и достигает кульминации в «Герое нашего времени» (1837–1841).

Ключевые слова:

экзистенциальный, Лермонтов, вера, Кьеркегор, русская литература, жизнь, человек, демонизация героя, демонская тема, герой нашего времени

В 1828 г., в год первых стихотворений Лермонтова, Пушкин написал «скептические куплеты», как поэт назвал свои стихи в письме к Е. Хитрово — «Дар напрасный, дар случайный», — опубликованные в 1830 г. и привлёкшие особое внимание в силу их пессимистического пафоса [\[1\]](#). В своей статье об этом М. Альтшуллер отмечает «пессимистические настроения... сомнения в существовании Бога», что вызвало поэтический ответ митрополита Филарета. Для аргументации последнего тезиса Альтшуллер прибегает к толкованию, заметим, не всего стихотворения, а первых двух строк, в то время как игнорирование третьей, на наш взгляд, влечёт за собой неполное понимание смысла пушкинского текста. Исследователь здесь не одинок — заблуждение повторяется в других комментариях и становится традиционным. Присмотримся к тексту пристальнее.

Прежде всего, частые упоминания о жизненных невзгодах Пушкина не могут и не должны служить основанием для объяснения смысла его художественных произведений. Во-вторых, вопрос: «Жизнь, зачем ты мне дана?» — означает растерянность конкретного человека перед фактом своего существования. Это не пессимистическое настроение, а онтологический запрос. Между «смертью» и «казнью» есть различие. Смерть — неизбежный исход, как бы *плановый*; казнь — бессмысленное обращение в Ничто, «страх и трепет» перед ним составляет существование человека. «Кто меня волшебной властью / Из ничтожества воззвал?» означает не сомнение в Боге, а недоумение человека, наделенного страстью и умом, для него бесцельными. Вспомним откровение двухлетней давности у Пушкина: «Как труп в пустыне я лежал / И Бога глас ко мне воззвал». Без воззвания или призывания Бога все дары мертвы, отсюда третья строфа («Цели нет передо мною / Сердце пусто, празден ум») посвящена не эмоциональному усилению мысли второй — это жалоба, потребность в Боге, Вере. Нелепыми и суетными поэтому являются всякие домыслы и спекуляции по поводу безбожия поэта. Начало потребности в оплодотворяющей жизнь и деятельность человека вере наблюдается в 1823 году — первый кризис («Свободы сеятель пустынный», «Телега жизни», «Демон»); возобновляется в 1828 году («Дар напрасный...»); затем в 1833 году в стихотворении «Осень» звучит: «Громада тронулась и рассекает волны... Куда ж нам плыть?».

Небезынтересно, что такие «кризисы» повторяются у Пушкина с интервалом в пять лет.

Мы обратились к творчеству Пушкина с целью показать, что Лермонтов входит в русскую поэзию во время конфликтного *со-существования* в европейском культурном сознании мировоззрения позднего романтизма, философии объективного идеализма Гегеля и экзистенциалистских концепций Кьеркегора, других мыслителей. В русском художественном мышлении это сочетание столь разных интеллектуальных систем проявилось как идейно-стилевое разнообразие отечественной литературы, прежде всего, в творчестве писателей конца 1820-х – начала 1840-х гг. — универсальности творчества Пушкина, христианского подвижничества литературы Гоголя, субъектноцентричного художественного мира Лермонтова, психологических и стиливых исканий раннего Достоевского, мистических опытов В.Ф. Одоевского и др. Что касается основных направлений постромантического стиливого дискурса литературы, то, обобщая, назовем два наиболее заметных и продуктивных. Во всей европейской литературе детерминистское художественное мышление порождает и развивает реализм, в отечественной литературе — критический. Романтизм, исчезая как ведущее стиливое явление времени первой трети XIX века, оставил свое главное достижение — человека (литературного героя) как субъекта бытия — ставшее основой для появления различных форм иррационалистических тенденций.

В ранней лирике Лермонтова, в период до начала его прозы, откровения, выражавшие потребность юного поэта в объяснении сущего для человека, возникали в минуты страдания любви или ощущения пустоты существования, когда он «к чему-то тайному стремился... к тому, что обещал нам Бог» («Н.Ф. И. ...вой», 1830), или чувства обреченности («На жизнь надеяться страшась...», «Отрывок», 1830), или плена безысходности («Душа сама собою стеснена / Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...», «1831-го июня 11 дня», 1831). В 1829 г. в поэзии Лермонтова начинает складываться проблематика, распространившаяся во всем творчестве поэта, и ее *нерв* составит тема Демона. Кажется, Лермонтов следует за европейской традицией (Альфред де Виньи, Т. Мур и др.), однако в ее поэтическом осмыслении обнаруживается своеобразие, возникавшее, возможно, под влиянием Пушкина. Так, например, в «Демоне» (1823) интонирование последнего стиха «И ничего во всей природе благословить он не хотел» свидетельствует не о впечатленности лирического субъекта Демоном, а напротив, — его полном отрицании (или в стихотворении 1828 г. «Ангел» у Пушкина, как чудо, происходит внутреннее преображение Демона: «Не все я в мире ненавидел / Не все я в мире презирал»). Аргументом в пользу высказанного утверждения может служить синтаксическая, композиционная организация стихотворения – возрастающая градация, вызванная перечислением *безверий* Демона, резко обрывается, что образует тот специфический интонационный рисунок, который мы наблюдаем в онегинской строфе. Этот эффект можно назвать *моментом снятия напряжения*, в данном случае смыслового.

В творчестве Лермонтова 1829–1836 гг. замечаются две тенденции в эволюции демонской темы, как и во всей художественной *концептосфере высших иерархий*. Первая состоит в наделении противоположных сущностей признаками, присущими им порознь, т.е. едва ли не смешении их литературных образов, например, в раннем стихотворении «Послушай, быть может, когда мы покинем...» (1832): «Ты ангелом будешь, я демоном стану!» или две редакции стихотворения «Мой демон» (1829 и 1830–1831) с одинаковым зачином: «Собрание зол его стихия...», или в поэме «Азраил» (1831). В ранней прозе названный принцип неразделения сущностей, казалось бы, сохраняется. В «Вадиме» про Ольгу сказано: «Это был ангел, изгнанный из рая за то,

что слишком сожалел об человечестве» [2, с. 13] (Заметим, что Ольга-Ангел, подобно Демону, изгоняется из рая). Сам герой портретируется неоднократно, словно Демон: нищие «уважали в нем... демона, но не человека» [2, с. 13]; «Какой-то бешеный демон поселился в меня, но он не имел влияния на поступки мои, он только терзал меня [2, с. 33] «Полоса яркого света ... упала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой...» [2, с. 39], «Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой...» [2, с. 73]. И во втором периоде творчества Лермонтова отмеченный выше прием по-прежнему сохраняется, хотя и эволюционирует в силу усложнения идейной мотивированности поведения героев. С наибольшей наглядностью он проявляется в герое «Маскарада» Арбенине, хотя стилистика этого образа все еще несет отпечаток ранней, если можно так выразиться, *демонизации* героя: «Но иногда опять какой-то дух враждебный / Меня уносит в бурю прежних дней...» [3, с. 307] Ср.: «Носясь меж дымных облаков / Он любит бури роковые...» («Мой демон»).

Первая тема, назовем ее *демонизацией героя*, завершается к периоду зрелого творчества. Манифестация второй темы — преодоления демона в себе, или человеке, — начинается еще с первых редакций поэмы «Демон», достигает полного развития в лирике 1837 г., в частности, в стихотворениях «Молитва» (1836–1837) и «Когда волнуется желтеющая нива» (1837) (Сказанное подтверждается в работе Киселевой И. А., см.: [4]) и, наконец, достигает кульминации в «Герое нашего времени» (1837–1841).

Что касается поэмы «Демон», то, как первым заявил академик Н.П. Дашкевич, «у Лермонтова Демон, "душой измученною болен", охваченный мечтою еще в большей степени, чем у всех предшествовавших поэтов, приближен к человеческой душе» [5, с. 501]. В. В. Бугорская в этой связи отмечает, что «академик Н. П. Дашкевич видел мотив такой постановки проблемы в желании автора» [6, с. 300] раскрыть в своем Демоне преимущественно неудовлетворение своим существованием, далеко, однако, отстоящее от полного раскаяния» [5, с. 510–513]. В. В. Бугорская, комментируя выражение «полное раскаяние», пишет: «На наш взгляд, Лермонтова интересовало само рассмотрение явления падения, его причин и возможности разрешения конфликта с Богом, конфликта между Вселенским Отцом и вселенским сыном» [6, с. 300]. Дополним, что само определение — раскаяние — едва ли применимо к Демону, речь идет о литературной условленности. Роль поэмы «Демон» настолько велика в литературе времени, значима для его иррациональных идей и *реставрации* веры человека 1830–1840 гг., что Лев Шестов в своей книге о философии Кьеркегора, говоря о духовном кризисе датского философа, неожиданно вспоминает лермонтовскую поэму: «Киргегард, слагавший пламенные гимны страданию, Киргегард, презрительно отвергавший земные радости <... > и бессмертие, и блаженство, и вечность не смыкают воспоминаний о позоре пережитого им в конечном существовании и еще меньше могут заменить ему те радости, которых он был лишен. Словно он повторяет демона Лермонтова: "Я позавидовал невольно неполной радости людской"» [7, с. 151]. Замечание Шестова можно рассматривать в свете устойчивого мотива Лермонтова стремлении литературного героя-демона к земной жизни («Демон», «Азраил», «Ангел смерти») — мотив, который еще предстоит корректно осмыслить, но также, что не менее важно, он включает лермонтовские идеи в современную поэту философскую парадигму.

Поэма «Демон», создаваемая Лермонтовым всю творческую жизнь, так и не была закончена. Мы, разумеется, считаем 6-ю (1838) или 8-ю (1839) редакции поэмы условно дефинитивными, а скорее все же этапными, в которых Лермонтов подвел итог

созданному, но не поставил точку, о чем свидетельствуют вероятные попытки ее продолжить. Так, в отмеченной редакции 1839 г. торжествует финал 1 части «Фауста», сюжет Маргариты, в то время как русский Демон в человеке не преодолен. Тем не менее лермонтовский демон все более не властен над человеком — тезис, в доказательство которого Лермонтов последовательно находит художественные аргументы. Рассуждения о тождестве, частичном или полном, образов лермонтовских героев и демонской сущности, преимущественно касающихся Печорина в «Герое нашего времени», представляют собой абберации восприятия и толкования произведений автора. Мы полагаем, что поэма «Демон» явилась в творчестве Лермонтова *решающим* произведением в переходе к основной теме экзистенциальной прозы.

Прежде всего, требует уточнения содержание терминологического сочетания *экзистенциальная проза*. Само понятие экзистенции носит всеохватный характер как онтическое, по Мартину Хайдеггеру, — порядок сущего, VS онтологическому (порядку бытия). В 1840-е гг. понятие экзистенции стало широко употребляться в философских работах Серена Кьеркегора, явление, в котором отразился процесс гуманизации общества, т.е. выделении человека и его существования как особо значимых категорий общего бытия. Отмеченные тенденции вызваны социально-историческими изменениями конца XVIII – начала XIX вв., приведшими, что важно для нашей статьи, к появлению антропоцентрических философских систем (С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр и др.) и возникновению соответствующих эстетических практик.

Мы уже упоминали выше, что, например, «скептические куплеты» Пушкина «Дар напрасный...» вызваны вовсе не сомнением в Боге, а потребностью человека в вере, преодолении духовного кризиса периода смены XVIII – XIX вв. — состояние, с особой силой выразившееся в русской литературе первых десятилетий XIX века. Отметим, прежде всего, духовную эволюцию творчества Пушкина, совершившего, по определению И. А. Ильина, «свой духовно-нравственный путь от разочарованного безверия — к вере и молитве» [8, с. 339], духовное подвижничество Гоголя, Лермонтова, в творчестве которых потребность в вере явно и органично объединилась с художественным талантом. Выше мы обратились к стихотворению Пушкина «Дар напрасный...», утверждая, что оно не выражает сомнение в Творце, это — жалоба и потребность в вере. В духовном творчестве Гоголя самым важным является преодоление, или лучше сказать — отсутствие страха перед Ничто как экзистенциальной проблемой. Так, В. А. Воропаев пишет: «Праведная христианская кончина Н. В. Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. Перед смертью он дважды исповедался и приобщился Святых Тайн, а также соборовался елеем. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: "Как сладко умирать!". За этим ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: "...имею желание разрешиться и быть со Христом..."» (Флп. 1: 23) [9, с. 78]. О духовности и стремлении к вере Лермонтова уместно, на наш взгляд, привести утверждение С. В. Шувалова: «Нигде в творчестве Лермонтова мы не найдем прямого отрицания потусторонней жизни; вера в духовность и, следовательно, в неуничтожимость своего существа является у него фактом непосредственного сознания, и потому отказаться от этой веры он не мог, если бы даже хотел» [10, с. 135-164].

Безусловно, жизнь человека всегда была предметом внимания литературы, однако возникающие в связи с этим темы и мотивы имели косвенное отношение к главному — проблеме существования человека как субъекта бытия, ценностного и духовного. Высказанное определение позволяет выделить три тематические и проблемные сферы

русской экзистенциальной литературы, основу которой составило творчество Лермонтова: духовная (вера), личностная (содержание жизни), социальная (адаптация к жизни в мире и обществе).

Первым условием, насыщающим существование человека смыслом, т.е. его оправдывающим, согласно современным Лермонтову концепциям экзистенции, является вера, для которой нет искушения, сомнений и греха (для первого экзистенциалиста, еще не знавшего о своем значении в истории философии, Серена Кьеркегора, безупречными были библейские величины истинной веры — Авраам и Иов). Разумеется, юный поэт не был в какой-либо мере осведомлен о теологических или философских тонкостях в вопросах веры, однако уже с отроческих лет он, помимо поэтического погружения в таинства поэзии и мистерии любви, был смущен вошедшим в традицию представлением о несовместимости высоких и низших начал жизни (например, «Не обвиняй меня, Всесильный...», «Молитва», 1829). Поэтому в творчестве Лермонтова стала насущной идея не изгнания, но преодоления в себе темной сущности, определившаяся как сверхзадача поэмы «Демон».

В прозе Лермонтова названная идея получила художественную разработку в зрелый период, в романе «Герой нашего времени»; для осмысления «Вадима» релевантным оказался тезис о главном противоречии в душе героя: «Он верил в Бога, но также и в дьявола» (сцена в церкви, начало бунта). В «Княгине Лиговской», в силу стилизового автобиографизма, автор не может оторваться от описания переживания, пусть художественного, однако обстоятельств жизни частного человека (мы полагаем, что главным препятствием для создания произведения «Я хочу рассказать вам» явилась именно его автобиографическая основа). Сказанное касается исключительно экзистенциальной перспективы развития образа, прерванный роман отличается чрезвычайно тонким литературным анализом нравов светского общества, изображением картин социальной жизни непривилегированных слоев населения, элементами психологической прозы. В произведении, тем не менее, намечена экзистенциальная проблематика, обнаруживающаяся в томлении и нерешительности, т.е. воли к утверждению личностного бытия *первого* Печорина. Лермонтов, осознавая невозможность художественного продолжения романа, главное — в разрешении фатального в жизни явления поражения любви [\[11, с. 179-180\]](#), останавливает работу над ним. Повторимся, что *строительные* идеи «Княгини Лиговской» входили как источник в идейный состав «Героя нашего времени», но не получали должного художественного обобщения.

Заметим, что в русской литературе вопросы экзистенции (существования, жизни) человека в современной исторической действительности, духовной атмосфере гуманизации общества, возникали как ведущая проблематика времени, такие вопросы, как русская хандра Онегина, или копеечная цель поэчного пути Чичикова, или загубленный подвиг служения Башмачкина и др. Роман «Герой нашего времени» явился первым прозаическим произведением в творчестве Лермонтова, в котором проявились идейно-стилевые признаки экзистенциальной прозы. Определение «первый» в известной мере условно, поскольку возможно было употребить выражение «и последний опыт», если бы не два коротких произведения: очерк «Кавказец» и начатая повесть «Штосс», вероятно, имеющая романский потенциал.

Библиография

1. Альтшуллер М. Г. Диптих Пушкина и псевдопалинодемия митрополита Филарета // В книге «Между двух царей». СПб: Академический проект 2003. – 352 с.

2. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. – 900 с.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. – 757 с.
4. Киселева И.А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 91–106.
5. Дашкевич Н. П. Статьи по новой русской литературе. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1914. – 696 с.
6. Бугорская В. В. Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского университета. Серия Истории и филологии. 2020. Т. 30. № 2. С. 296–302.
7. Шестов Л. И. Киргегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс. Гнозис, 1992. – 304 с.
8. Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 328–355.
9. Воропаев В. А. Требование Н.В. Гоголя на полях Библии // Русская речь. 2018. № 3. С. 77–81.
10. Шувалов С. В. Религия Лермонтова // Венок Лермонтову / Юбилейный сборник. М.-Пг.: Изд. т-ва "В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых, 1914. С. 135–164.
11. Москвин Г. В. Измена // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014. С. 179–180

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В первые десятилетия XXI века появился ряд исследований, в которых раскрывается экзистенциальная проблематика в прозе Лермонтова, выявляются схождения идей, высказываемых его героями, с идеями датского философа С. Кьеркегора – так в лермонтоведении (и шире – в истории русской литературы) стало утверждаться представление о Лермонтове как первом русском писателе-экзистенциалисте, а его прозу стали определять не только как философско-психологическую, но и экзистенциальную. При этом, как правило, в этом контексте исследователи говорят о романе «Герой нашего времени», очерке «Кавказец» – то есть о поздних – итоговых – произведениях писателя. Вместе с тем вопрос о зарождении такого художественного мышления, о его истоках даже не ставился. Ценность рецензируемой статьи «К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова» состоит в самой постановке проблемы, а выводы показывают закономерность творческой эволюции Лермонтова.

Однако начинает автор свою статью не с анализа ранних произведений Лермонтова, что было бы закономерно, а с анализа стихотворения Пушкина «Дар напрасный...» И этот материал не является избыточным. Напротив, он позволяет вписать идеи Лермонтова, его жизнеотношение, философские искания в контекст эпохи. Надо заметить, что автор обнаружил и указал на созвучие пушкинской поэтической рефлексии с теми вопросами, которые позже сформулирует лермонтовский герой в своем журнале.

В этом же ряду упомянуты стихотворения «Свободы сеятель пустынный...», «Телега жизни», а также духовный опыт Гоголя.

Сам автор так формулирует цель подобной преамбулы – «показать, что Лермонтов входит в русскую поэзию во время конфликтного со-существования в европейском культурном сознании мировоззрения позднего романтизма, философии объективного идеализма Гегеля и экзистенциалистских концепций Кьеркегора, других мыслителей»,

наследуя главное достижение романтизма – «человека (литературного героя) как субъекта бытия — ставшее основой для появления различных форм иррационалистических тенденций».

Основная часть статьи – анализ творчества Лермонтова в свете заявленной проблемы. Автор уже в ранней лирике поэта фиксирует «откровения, выражавшие потребность юного поэта в объяснении сущего для человека», особо выделяет в ней формирование двух тенденций в демонской теме и показывает, как они соединяются / сливаются в первом прозаическом опыте – романе «Вадим». Закономерным стало и обращение к поэме «Демон», над которой Лермонтов работал всю жизнь и которая рассматривается в работе как «решающее произведение в переходе к основной теме экзистенциальной прозы». Отметим важное наблюдение о том, что «лермонтовский демон все более не властен над человеком».

Финальная часть статьи посвящена собственно экзистенциальной прозе Лермонтова. Прежде всего, дано понимание термина, прокомментирована проблема веры, выделены «три тематические и проблемные сферы русской экзистенциальной литературы, основу которой составило творчество Лермонтова: духовная (вера), личностная (содержание жизни), социальная (адаптация к жизни в мире и обществе)».

Таким образом, в статье предложена новая концепция формирования экзистенциальной прозы в творчестве Лермонтова и в русской литературе в целом. Выводы убедительны и аргументированы. Статья будет востребована в вузовском преподавании истории русской литературы, в издательской практике. Также она будет интересна широкому кругу читателей.

Статья рекомендуется к публикации.